

Р. Р. Вахитов

УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ,
УФА, РОССИЯ

А. Е. Родионова

БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. АКМУЛЫ, УФА, РОССИЯ

Натуралистический консерватизм Л. Н. Гумилёва. (Очерки консервативной мысли в СССР)

Аннотация. Статья посвящена взглядам этнолога, историка и философа Льва Николаевича Гумилёва (1912–1992), создателя теории этногенеза и теории пассионарности. Рассматривается драматичный жизненный путь учёного, его политические взгляды и научные концепции. На основе материалов биографов, воспоминаний о Гумилёве и его не изданных при жизни стихов реконструируются политические воззрения Л. Н. Гумилёва. В ходе этого показано, что учёный с юности и до последних дней был тайным антисоветчиком, антикоммунистом, монархистом и православным христианином, антизападником и антидемократом. Показано, как эти его взгляды связаны с теориями этногенеза и пассионарности. Восприятие истории человечества как развития этносов исключает прогрессизм и либерализм, так как в этом случае история человечества перестаёт восприниматься как универсальный процесс, имеющий традиционную и модернистскую стадии. Вместе с тем учение о «кормящих ландшафтах», созданное Л. Н. Гумилёвым, предполагает, что у каждого народа есть своя

система ценностей и нормы поведения, и невозможно их механическое заимствование. Именно отсюда Гумилёв делал выводы антизападнического и славянофильски-евразийского толка — о том, что Россия не должна подражать Европе, но идти своим собственным путём. От славянофилов его отличало учение о славяно-тюркском симбиозе как фундаменте российской цивилизации.

Кроме того, в либеральной демократии западного типа Л. Н. Гумилёв видел не универсальную ценность, а набор стереотипов поведения и взглядов, характерных лишь для народов западной цивилизации.

Наконец, учёный неоднократно подчёркивал важнейшую этнообразующую роль православия для русских.

Итак, Л. Н. Гумилёв был мыслитель-консерватор, но его консерватизм — разновидность натуралистского, космистского консерватизма, родственного учениям Платона, К. Н. Леонтьева и О. Шпенглера.

Ключевые слова: Л. Н. Гумилёв, консерватизм, монархизм, православие, антисоветизм, антидемократизм, этногенез, пассионарность, космизм, этнос

Для цитирования: Вахитов Р. Р., Родионова А. Е. Натуралистический консерватизм Л. Н. Гумилёва. (Очерки консервативной мысли в СССР) // Ортодоксия. — 2023. — № 1. — С. 10–31. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-10-31

Помещение в ряд советских консерваторов этнолога Льва Николаевича Гумилёва, возможно, покажется неожиданным читателю, который ознакомился уже с предыдущими статьями этого цикла¹. Лосев и Лифшиц — каждый по-своему! — были приверженцами консервативных ценностей, видели в добуржуазном, доиндустриальном, традиционном мире и нечто положительное, и критиковали с этих позиций современную культуру и общество. У Гумилёва как у представителя теорий локальных культур и цивилизаций было принципиально иное видение исторического процесса. Для него не существовало мира

¹ См. в номере 4 за 2022 г. «Ортодоксии» цикл статей Р. Р. Вахитова «Очерки консервативной мысли в СССР»: «О классическом консерватизме и о консерватизме советском: сходства и различия», «Лосев: цельный, религиозно-монархический консерватизм», «Левый консерватизм марксиста М. А. Лифшица».

Традиции и мира Современности, история для него была ареной рождения, развития и гибели этносов и суперэтносов. Их эволюция не имеет периодов однозначно прогрессивных и регрессивных, любой из этих периодов по-своему необходим и имеет как достоинства, так и недостатки. Как в этом случае возможно говорить о Л. Н. Гумилёве как о мыслителе-консерваторе?

Однако не всё так просто. Начнём с того, что Гумилёв не был ни либералом, ни западником и, более того, пользовался в этих кругах «дурной славой». И дело не только в приписываемом ему (кстати сказать, без достаточных оснований!) «антисемитизме» и даже не в том, что, несмотря на трагичность своей судьбы, Лев Гумилёв всю жизнь оставался искренним патриотом России и верующим христианином. Дело ещё и в том, что его теория этносов и суперэтносов плохо согласовывалась с идеями, рисующими Запад как вершину мирового прогресса и отводящими России роль вечно догоняющего Европу «почтительного ученика». Гумилёв отстаивал идеи самобытности российской культуры, невозможности и опасности радикальной вестернизации России, право нашей страны «быть собою», не подчиняться «европейским принципам» (Гумилёв 1992: 299). Не случайно в годы перестройки и в постсоветский период наследие Л. Н. Гумилёва стало пользоваться таким влиянием среди представителей патриотической оппозиции. Александр Янов — эмигрировавший в США историк, яркий антисоветчик и неолиберал, — сказал тогда: «Если идеи Гумилёва получат широкое распространение, то на демократии в России можно поставить жирный крест!»²

Возможно, кроме правого, полноценного консерватизма, приверженцем которого был А. Ф. Лосев, и парадоксального, диалектического «левого консерватизма» М. А. Лифшица, есть ещё и третья разновидность консерватизма, причём более древняя, чем первые две. Она восходит к античному видению истории как смены циклов, свойственных природе, но имеет и своеобразные точки пересечения с христианской историософией (вспомним, что Гумилёв, как и любимые им евразийцы 1920-х, всячески подчёркивал, что он — сторонник христианского, православного мировоззрения).

Но обо всём по порядку.

² Шишкин И. Лев Гумилёв и российские элиты. Почему официоз не заметил юбилея великого мыслителя? // Завтра. — 2022. — 3 октября. — URL: https://zavtra.ru/blogs/elita_i_lev_gumilyov (дата обращения: 22.11.2022).

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Биография Льва Николаевича Гумилёва (1912–1992) общеизвестна. Изложению фактов его жизни посвящены несколько монографий и множество статей, поэтому повторять уже сказанное и пересказанное мы смысла не видим. Укажем лишь на основные вехи. Родился будущий этнолог и историк в 1912 году, в семье двух поэтов Серебряного века — Николая Гумилёва (1886–1921) и Анны Ахматовой (1889–1966). Детство и отрочество провёл в родовом имении Гумилёвых Слепнево и в городе Бежецке, где воспитанием его занималась бабушка по отцу Анна Ивановна Гумилёва (1854–1942). В 1929 году он перебрался в Ленинград, где жила его мать, уже ставшая женой критика Николая Николаевича Пунина (1888–1953).

В университет Гумилёва не приняли как выходца из дворян, и четыре года он сначала трудился рабочим в трамвайном депо, а потом — чернорабочим геологических экспедиций, объехав полстраны — от Таджикистана до Алтая. В 1934-м он всё же поступает на исторический факультет ЛГУ и учится там до 1938 года.

Дважды (в 1933-м и в 1935-м) его арестовывали, но вскоре отпускали (в первый раз — не найдя за ним вины, а во второй — из-за того, что его мать сумела отправить письмо Сталину). Однако в 1938 году он получил 10 лет лагерей (несмотря на то, что на суде настаивал, что признания получены следователем с использованием пыток) и был отправлен в лагпункт на Онежском озере. Но затем приговор пересмотрели, дали 5 лет Норильсклага (Норильск, Таймыр).

В 1943 году Лев Николаевич отправился добровольцем на фронт, участвовал в Берлинской операции. Вернулся в Ленинград, сдал экстерном экзамены за весь курс университета, получил диплом и в 1948 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук. В 1949 году был снова арестован, отбывал наказание в Казахстане и Сибири, освобожден только в 1956 году.

По возвращении Гумилёв работал в Эрмитаже, потом на географическом факультете ЛГУ. Защитил в 1961 году докторскую диссертацию по истории, а в 1974-м — по географии (но последнюю не утвердил ВАК). Разработал теорию этногенеза, но рукопись не была опубликована до 1989 года, он её депонировал в ВИНТИ, и она распространялась в самиздате.

В 1960–1970-е годы Гумилёв выпустил 12 монографий по тюркской и русской истории, приобрёл широкую популярность и множество врагов в академических кругах. Перестройка принесла ему ещё большую

известность. Он стал часто выступать в печати, а также с лекциями — по радио и ТВ. Но здоровье его было уже подорвано. Умер Лев Николаевич Гумилёв в 1992 году, будучи главой целой школы и одним из ведущих интеллектуалов России и постсоветского пространства.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Конечно, нас в этой работе больше интересуют не столько факты жизненного пути Л. Н. Гумилёва, сколько его политические взгляды, поскольку мы должны выяснить, можно ли его считать мыслителем-консерватором наряду с А. Ф. Лосевым и М. А. Лифшицем. Главная трудность состоит в том, что Гумилёв публично и тем более в письменном виде их не высказывал из цензурных соображений. После четырёх арестов он в совершенстве освоил искусство «эзопова языка», свойственного советским тайным оппозиционерам. Тем не менее восстановить их возможно, как благодаря биографам Гумилёва и его близким знакомым, оставившим мемуарные свидетельства, так и благодаря внимательному чтению его статей и интервью, появившихся в эпоху перестройки и в первые постсоветские годы, а также литературных произведений, которые он писал «в стол» в советский период.

Взгляды эти сложились ещё в раннем отрочестве, если не в детстве. Огромное влияние на Гумилёва оказал образ его отца. Николай Степанович Гумилёв в 1918 году развёлся с его матерью, Анной Ахматовой, и уже в 1921-м был арестован органами ВЧК по «делу сенатора Таганцева» и расстрелян. Однако в воспитании сына Гумилёв-старший успел принять участие. Он любил маленького Лёву, охотно возился с ним. Образ отца на всю жизнь остался предметом глубокого почитания и восхищения для Льва Николаевича³. Гумилёв-младший всегда и повсюду носил с собой его фотографию (и на войне, и в лагерях), затем до его смерти она висела в его комнате. Более того, свой первый тюремный срок в 1938 году Лев Николаевич получил из-за того, что не стерпел издевательств над памятью отца со стороны своего университетского преподавателя Льва Васильевича Пумпянского и стал прилюдно и резко ему возражать. Сам Гумилёв потом шутил, что в 1930-е он отсидел «за папу». В своих книгах он цитировал стихи своего отца, а в годы перестройки охотно читал их со сцены.

Для темы нашей статьи это важно потому, что Николай Степанович в конце жизни всячески подчёркивал свои монархические и религиозные убеждения. Он шокировал знакомых тем, что после октября 1917-го

³ Медведко О. Пассионарность отца и сына // Николай Гумилёв. — URL: <https://gumilev.ru/biography/104/> (дата обращения: 15.12.2022).

крестился на храмы, как бы бравируя своим бесстрашием перед пришедшими к власти «безбожниками». Независимо от того, существовала ли «боевая организация» Таганцева, за участие в которой его расстреляли, Гумилёв-старший был сознательным антисоветчиком и не скрывал этого (в том числе от следователей).

Легко предположить, что, идеализируя образ отца, Гумилёв-младший идеализировал и его взгляды. Судя по всему, так оно и было. В студенчестве Лев Николаевич нередко высказывался в антисоветском духе. Сохранился донос его университетского приятеля Борева, который обвинял Гумилёва в том, что он не любит Советскую власть и пролетариат, гордится, что он — дворянин⁴, утверждает, что «судьбы России должны решать не массы трудящихся, а избранные кучки дворянства», и уверяет, что «есть дворяне, мечтающие о бомбах» (Беляков 2013: 34). Тот же Боров заявлял, что студенты судачили: Гумилёв даже одевается как «контрик» (он носил фуражку, похожую на офицерскую). Студент Поляков доносил, что Лев Гумилёв «высказывал симпатии принципам монархизма» и мечтал заменить Советскую власть царизмом, а другой знакомый Гумилёва-студента — Махаев — добавлял: «Гумилёв считал правильным государственным устройством монархию. Однако реставрацию династии Романовых он считал невозможной, так как Романовы себя скомпрометировали. Лучший вариант — это монархия с консультативным советом, состоящим из дворян». Наконец, его отчим Пунин на допросах в 1935-м тоже утверждал, что Гумилёв — монархист и считает: «Все революции кончались реставрацией буржуазного строя... Новое поколение даст людей, которые смогут осуществить смену Советской власти и осуществить принципы монархизма на новых началах»⁵.

Можно списать это на фантазии чекистов, которые допрашивали студентов-«стукачей» и Пунина, но вот свидетельство сводного брата Гумилёва — Ореста Николаевича Высотского (1913–1992)⁶. Он часто встречался со Львом Николаевичем в Ленинграде начала 1930-х, где Орест Николаевич учился в Лесотехнической академии. В августе 1991 года, после неудачи «путча» ГКЧП, пожилой Высотский пишет в письме к своему

⁴ Строго говоря, по законам Российской империи он таковым не был, ибо дворянство передавалось по отцовской линии, где дворянином был лишь его дед — корабельный врач Степан Яковлевич — и у того дворянство было лишь личное, дворянство матери (Анны Андреевны Горенко (Ахматовой) закон не переносил на детей.

⁵ Хроника жизни и творчества Л. Н. Гумилёва, Н. С. Гумилёва и А. А. Ахматовой в сопоставлении с событиями истории XX в. / сост. О. Г. Новикова. — СПб., 2011. Цит. по: URL: <http://gumilevica.kulichki.net/NOG/nog07.htm> (дата обращения: 15.04.2023).

⁶ Мать Ореста Николаевича — петербургская актриса театра Мейерхольда Ольга Высотская.

тоже постаревшему брату: «...мы дожили до такого прекрасного времени, когда рушится большевизм, над Кремлём поднято трёхцветное знамя, сброшен с пьедестала железный Феликс, а в Екатеринодаре поставлен памятник Лавру Георгиевичу; сбывается всё, о чём мы с тобой мечтали в юности» (Беляков 2013: 36).

Надо сказать, что неприязнь к Советской власти родилась у юноши Гумилёва не только из-за судьбы отца. Он сам немало пострадал от неё. В детстве он сменил три школы, причём его изгоняли из них как выходца из «бывших» по доносам как учеников, так и учителей. В 1930-м его не приняли в университет из-за социального происхождения, когда же он стал студентом, его невзлюбили однокурсники-комсомольцы. После того как его отпустили из ОГПУ в 1935-м, он обнаружил, что из ЛГУ его «вычистили» по инициативе актива комсомола. Не будем забывать, что в 1920–1930-е Гумилёв, как всё его окружение, принадлежал к «лишенцам», то есть к тем, кого Советская власть легально ущемляла в правах как представителей «бывшей эксплуататорской верхушки». «Лишенцы» не просто не могли голосовать на выборах, им, например, не полагались продуктовые карточки, и поэтому в 1930-х юный Гумилёв, бывало, по-настоящему голодал. Так что симпатии к империи, Колчаку и Корнилову и ненависть к Советам и коммунистам в его окружении подкреплялись «бытием», которое, как учили в советских вузах, «определяет сознание».

Можно подумать, что после войны, во время которой Гумилёв повёл себя как патриот СССР, он изменил свои взгляды. Но это не так. Биограф Гумилёва С. С. Беляков сообщает: «Чехословацкие события 1968 года Гумилёв оценил отнюдь не по-диссидентски: “А что же они, чехи, хотели за их предательство в Гражданскую войну?.. Господь наказывает за грехи до третьего и четвёртого колена”»⁷. Гумилёв имел в виду предательство чехословацким легионом А. В. Колчака, которого белочехи фактически отдали в руки большевиков, заключив соглашение с Красной армией и при уходе захватив золотой запас «белых». Как видим, даже в конце 1960-х Гумилёв сохранял симпатии к белому движению времён Гражданской войны.

Журналистка Стекляникова, готовившая радиопередачу с Гумилёвым в 1980-х, сообщает, что Лев Николаевич, «говоря об Испании, восхищался генералом Франко: он спас страну от того, что случилось в России в 1917 году и после него, — долгой Гражданской войны». Она называет Льва Николаевича убеждённым православным монархистом, вспоминает,

⁷ Стекляникова Л. Д. Вечная Память // Лев Гумилёв: Судьба и идеи. — М. : Айрис-Пресс, 2003. — URL: <http://gumilevica.kulichki.net/matter/Article40.htm> (дата обращения: 12.01.2023).

что революционеров Гумилёв не любил, называл их масонами. Про декабристов же вообще говорил, что ненавидит их: «С них началось раскачивание трона российского, а значит, государства, империи»⁸.

Советскую власть Гумилёв иронично именовал Софьей Власьевной, а Сталина — Корифеем Науковичем и в семейном кругу любил цитировать стихи:

Чтобы нас охранять,
Надо многих нанять,
Это мало — чекистов,
Карателей,
Стукачей, палачей,
Надзирателей...

Кстати, сейчас уже доказано, что до конца 80-х учёный находился под тайным надзором КГБ...

Об отношении Гумилёва к Ленину — центральной фигуре советской официальной идеологии — хорошо говорят стихи Гумилёва, которые он писал «в стол», конечно, без всякой надежды опубликовать, часто никому не показывая. В 1960-х, после выноса из Мавзолея тела Сталина, Гумилёв пишет поэму «Седьмая жена Синей Бороды». Там есть строки:

Я помню тело мертвеца,
И взгляд его нечеловечий,

И абрис жёсткого лица,
И скрытые одеждой плечи.

Но сила тёмная при нём
Осталась даже в подземелье,
А не расставшийся с конём,
Другой — истлел под чёрной елью.

Где слава подвигов его?
Невеста, что ночует с нею?
Но не боится ничего
Мертвец, лишённый мавзолея.

⁸ Там же.

Комментаторы поясняют, что второй мертвец, «лишённый мавзолея», — очевидно — Сталин, а первый, как легко догадаться, — Ленин. Поэма кончается пророчеством:

Тускнеет сон, бледнеет явь,
Алеет только кровь.
Так что же, жизнь тоской разбавь,
Но сердце приготовь.

Увидеть гибель мертвеца,
Кем мы побеждены.
Я буду верен до конца
Концу моей страны (Гумилев 2015: 71).

Эти стихи были написаны, скорее всего, в 1961 году, до «конца страны» под названием СССР оставалось 30 лет, и никто тогда даже предположить не мог такое. Кроме Гумилёва, который всю жизнь, оказывается, оставался патриотом монархической России и сознательным антисоветчиком.

Показательно, что Лев Николаевич принципиально не праздновал советских праздников (7 ноября, 1 мая, 23 февраля, 8 марта), зато всегда отмечал Рождество и Пасху и вообще старался ходить в храм по церковным праздникам (даже в страшные для верующих 30-е годы)⁹. Беляков пишет: «В конце восьмидесятых знакомый Гумилёвых Дауд Аминов позвонил Наталье Викторовне, чтобы поздравить с 8 Марта. Трубку взял Гумилёв и тут же отчитал Аминова: “Как тебе, мусульманину, не стыдно отмечать языческий праздник?”» (Беляков 2013: 422).

Религиозность Гумилёву была привита бабушкой — Анной Ивановной, которая до конца жизни, уже в глубоко советские времена, помечала письма датами по юлианскому календарю. Несмотря на свои догматические вольности в теории (в книгах Гумилёва проскальзывают явные симпатии к несторианству, которое было распространено среди древних тюрков), в жизни Гумилёв сохранил церковную веру до последних дней. Перед смертью он исповедовался и причащался. Учёный не только сам веровал, он привёл к вере многих своих, уже советских знакомых из академических кругов.

⁹ Правда, в зрелости и старости Гумилёв не постился. Журналистка Стекланникова вспоминала, что он сказал ей: «Я не пощусь. На войне не постану. А я всегда как на войне» (Стекланникова Л. Д. Указ. соч.).

В общем, вполне можно согласиться с характеристикой, которую дал Льву Николаевичу писатель Виктор Ефимович Ардов (1900–1976), хорошо знавший его и его мать: «несоветский человек» (Беляков 2013: 422). Биограф Беляков тоже замечал: «Как видим, политические взгляды Гумилёва были консервативными...» (Беляков 2013: 681). Беляков пишет, что Гумилёв всё-таки родился в царской России и всегда ощущал себя принадлежащим к ней, а Советскую власть и коммунизм всю жизнь ненавидел, хотя открыто говорить об этом не мог.

Конечно, и речи не могло быть о вступлении Гумилёва в Коммунистическую партию, хотя беспартийность сильно осложнила ему академическую карьеру. В своих трудах Гумилёв, как водилось тогда, ссылаясь на Маркса, Энгельса и Ленина и первых двух даже, видимо, уважал как мыслителей (о его отрицательном отношении к Ленину мы уже упоминали), но марксистом себя не называл, и никто его таковым и не считал. Напротив, теоретики марксизма, вроде академика Кедрова, публично клеймили его как идеалиста, географического детерминиста и биологизатора.

В 1992-м, после падения СССР, Гумилёв, пожалуй, впервые в жизни получает возможность раскрыть свои сокровенные политические убеждения. И сразу же, в статье «Горе от иллюзий» (написанной совместно с его учеником Вячеславом Юрьевичем Ермолаевым), он характеризует коммунистическую идеологию как «человеконенавистническую»: «Центр со времён Ленина и до самого последнего времени руководствовался не национальными интересами страны, а человеконенавистнической коммунистической идеологией. Красная Москва перекраивала в соответствии с директивами ЦК образ жизни всех без исключения народов, подгоняя его под вымышленную вождями социальную схему» (Гумилёв 2015: 182–183).

Показательны его слова о коммунистах, В. И. Ленине и других вождях партии: «Коммунисты изначально представляли собой специфический маргинальный субэтнос, комплектуемый выходцами из самых разных этносов. Роднило их всех не происхождение, а негативное, жизнеотрицающее мироощущение людей, сознательно порвавших всякие связи со своим народом. (Такие структуры... принято называть антисистемами.)... Вряд ли найдутся эмоциональные, а уж тем более научные основания считать русским В. И. Ленина, поляком — Ф. Э. Дзержинского, а тофаларом — К. У. Черненко. Нам кажется... неправомерным возлагать на русских ответственность за ленинскую национальную политику...» (Гумилёв 2015: 184).

В своём последнем интервью «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» Л. Н. Гумилёв, приведя слова евразийца 1920-х Н. С. Трубецкого, не исключает монархического выбора русского народа после падения большевизма. Хотя старый учёный, в отличие от юного студента Гумилёва, уже считает это не столь важным, говоря: «Главное — не попасть к немцам на галеры» (Гумилев 2015: 326)...

Удивительно, однако, что сторонников идей Л. Н. Гумилёва очень много среди так называемых красно-коричневых, то есть симпатизантов советского строя и даже «русского коммунизма»... Впрочем, может, его политические взгляды плохо согласуются с его научными теориями?

КОНСЕРВАТИЗМ В ПОЛИТИКЕ И ТЕОРИЯ ЭТНОСОВ ГУМИЛЁВА

Мы выяснили, что в жизни Лев Гумилёв был монархист, человек православный, симпатизант дореволюционной России и белого движения, антикоммунист и антисоветчик, причём далеко не либерального и не западнического толка. Но как это согласуется с его теориями? Можно ли его считать теоретиком консерватизма, философом-консерватором?

Вспомним, как в первой статье этого цикла мы определяли консерватизм. Там мы писали о том, что консерватор — антипод революционера, он — сторонник монархии и сословного, аристократического общества, религии и Церкви, классического искусства, нерыночной экономики. Короче, консерватор имеет своим идеалом традиционное, докапиталистическое общество, или общество сословное, религиозное, управляемое монархом, но он не мечтает его вернуть, а стремится лишь сохранить хоть какие-то его черты в современности.

При этом мы заявляли, что существует определённая проблема при характеристике учения Гумилёва как консервативного. Гумилёв отрицал единую мировую историю, то есть историю человечества как единого целого. «Человечество, — писал учёный в книге “От Руси к России”, — ...мозаично, то есть состоит из представителей разных народов, говоря по-современному, этносов» (Гумилёв 1992: 11). Кроме того, будучи лично человеком религиозным и даже воцерковлённым, Гумилёв создал теорию, которая носит явно секулярный, материалистически-биологизаторский характер. Религия в ней присутствует, но не как ценностный фундамент (как в философии истории евразийцев Карсавина или Савицкого), а как объект изучения или как культурно-исторический и даже культурно-биологический феномен. Известно, что Православную Церковь Гумилёв отождествлял

с... византийским суперэтносом (Гумилёв 1993: 371)¹⁰. Иными словами, не совсем понятно место Бога в теории пассионарности Гумилёва (разве что Он предстаёт как создатель и Перводвигатель, предоставивший природе затем развиваться самостоятельно).

Вместе с тем, чтобы всерьёз ответить на поставленный вопрос — о связи консервативных политических взглядов Гумилёва и его научных концепций, — нужно вкратце изложить основы его теории.

Л. Н. Гумилёв как космист и ученик В. И. Вернадского считал человечество частью планетарного целого, своеобразным феноменом биосферы Земли, который можно охарактеризовать как антропосферу. При этом, как уже говорилось, человечества как единой общности он не признавал, оно для него было суммой этносов. Этнос, по Гумилёву, представляет собой «коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчёта, а из чувства комплиментарности — подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей...» (Гумилёв 1992: 11). Этноты связаны со своими «кормящими ландшафтами»: «Каждый такой коллектив, чтобы жить на Земле, должен приспособиться... к условиям ландшафта, в пределах которого ему приходится жить... изменяя своё поведение, усваивая какие-то специфические правила поведения — стереотипы. Усвоенные стереотипы (историческая традиция) составляют основное отличие членов одного этноса от другого» (Гумилёв 1992: 11–12).

Связь между общностями людей — этносами и ландшафтом как «лицом» планеты и космосом в целом — у Гумилёва энергетическая. Чтобы развиваться, людям и человеческим обществам нужна энергия, — заявляет учёный. Энергия эта носит биохимический характер, люди её черпают из ландшафта. «Подавляющее большинство этносов... обитает... на определённых территориях, входя в биоценоз данного ландшафта» (Гумилёв 1993: 318). Однако время от времени на людей оказывает непосредственное воздействие космос. Энергия, полученная из космоса, поступает в виде «толчков», которые «покрывают» определённые зоны Земли (полосы вдоль геодезических линий длиной в тысячи километров и шириной в 200–300 километров) и вносят существенные изменения в человеческую историю. Сам Гумилёв высказывал несколько гипотез о происхождении этой энергии: то ли это солнечное излучение, то ли излучение сверхновых, то ли что-то другое.

¹⁰ Впрочем, Гумилёв неоднократно высказывался об огромном значении православия и христианства вообще в судьбе русского и других этносов.

Для религиозного философа было бы логичным утверждать, что эти «толчки» представляют собой вмешательство Бога в историю и включены в Божественный Промысл о мире и человечестве. Однако Гумилёв настаивает на том, что они носят сугубо естественный характер и совершенно случайны и непредсказуемы.

Воздействуя на человеческий организм, космическая энергия, по Гумилёву, приводит к микромутациям «нервной и гормональной системы», в результате чего появляются люди особого склада — пассионарии (от лат. *passio* — страсть). Они обладают способностью извлекать из окружающего ландшафта больше энергии, чем нужно для простой жизнедеятельности («энергоизбыточный тип»), что подталкивает их к постоянной активности и преобразованию мира и общества. Причём в ходе такого преобразования они легко могут рисковать собой и другими людьми, ибо у них импульс действия сильнее инстинкта самосохранения.

Пассионарии массово возникают и распространяются в результате космического «толчка» внутри одного или нескольких соседних этносов. Они ломают устоявшиеся стереотипы поведения и «...вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новую этническую систему, новый этнос, видимый для истории» (Гумилёв 1992: 16).

Возникнув, этнос проходит фазы развития, связанные с подъёмом и спадом пассионарности. Учёный выделял несколько фаз. Первая — это фаза *подъёма*, когда этнос формируется за счёт либо размножения пассионариев, либо их инкорпорации (Гумилёв 1993: 288). Формируется и его идейный каркас. Пассионарии в этот период — проповедники, создатели новых религий и идеологий. Следующая фаза — *акматическая*, когда этнос «покрывает» весь кормящий ландшафт, порождает множество субэтносов, соединяется с соседними этносами, образуя суперэтнос. С точки зрения энергетической это наивысшая фаза, и в этот период этнос имеет наибольшее количество пассионариев. Пассионарии здесь — преимущественно воины, завоеватели. В акматическую фазу этносы и суперэтносы приобретают государственность. Внутри них происходят конфликты ввиду неумеренной энергии пассионариев, но они пока не приводят к распаду государства. Следующая — фаза *надлома*, когда конфликты внутри этноса достигают такого уровня, что пассионарии друг друга истребляют физически. В результате этого общая пассионарность этноса резко снижается. На этот период приходятся репрессии, гражданские войны, распад государства. Однако Гумилёв парадоксально считает, что именно в фазу

надлома наблюдается расцвет культуры в обычном смысле слова — искусства, науки, философии (при этом он указывает на Италию Возрождения, когда искусство расцвело на фоне политической раздробленности страны и междоусобиц). На смену проповедникам и воинам приходят поэты, артисты и художники как новый пассионарный тип, «действенный, но слабый». Эти пассионарии не идут на костёр или в завоевательный поход, но они тоже способны пожертвовать многим ради своих идеалов. Гумилёв приводит в пример «творческое сторание Гоголя и Достоевского», «добровольный аскетизм Ньютона», «надломы Врубеля и Мусоргского» (Гумилёв 1993: 291). У пассионариев-художников важная функция — укреплять межэтнические связи, что помогает возникновению суперэтносов.

Кончается фаза надлома массовым кровопролитием и извержением остатков пассионариев за пределы этноса и его ландшафта. Следующая фаза — *инерционная*. Пассионариев уже мало, и начинает господствовать тип гармоничника. Гумилёв называет его так, потому что этот тип находится в гармонии с ландшафтом, он берёт из него столько же энергии, сколько отдаёт. У него нет избыточной энергии, но он и не энергодефицитен. Это люди, живущие спокойной, тихой жизнью, не ставящие перед собой высоких целей, но и не паразиты или преступники. Это труженики, создающие материальную культуру и пользующиеся её плодами. Гумилёв называет этот период «золотой осенью» этноса.

Следующая фаза — *обскурация*. На сцену истории этноса выходят субпассионарии — энергодефицитный тип. Они не отдают энергию, а берут. Это не труженики, а эгоисты, потребители, воры, взяточники, приспособленцы, паразиты. По словам Гумилёва, «после того как субпассионарии проедят и пропьют всё ценное, сохранившееся от героических времён, наступает последняя фаза этногенеза — мемориальная» (Гумилёв 1992: 18). В *мемориальной* фазе «этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции», а затем теряет и её и умирает. Срок жизни этноса, по Гумилёву, — от 1200 до 1500 лет.

При этом этносы и суперэтносы не существуют в вакууме. Они взаимодействуют друг с другом, и это взаимодействие тоже влияет на их исторические судьбы. Гумилёв выделял три типа такого взаимодействия (симбиоз, ксению и химеру), рассматривать которые здесь смысла не имеет. Для цели нашей статьи важно лишь заметить, что Гумилёв отстаивал необходимость каждого этноса и суперэтноса развиваться на основе своих принципов, традиций, связанных со своим уникальным ландшафтом. В связи с этим он отвергал, например, мечты западников

включить Россию в круг «цивилизованных», европейских народов и разделял ориентацию славянофилов и евразийцев на свой «особый путь развития».

Такова теория этногенеза Гумилёва. Её обычно ставят в один ряд с другими теориями локальных культур, например шпенглеровской. Биограф Л. Н. Гумилёва С. С. Беляков пишет: «...Хотя в пассионарной теории этногенеза фазы не совпадают с “сезонами” Шпенглера, но преемственность здесь очевидна, а “цивилизация” Освальда Шпенглера наминает гумилёвский этнос инерционной фазы этногенеза, или фазы обскурации» (Беляков 2013: 146). Кроме того, Освальд Шпенглер также отвергал существование единого человечества, также интерпретировал историю как развитие многонародных общностей, существующих около 1200 лет. И самое главное, и по Шпенглеру людьми, народами и культурами движет иррациональная, бессознательная «жизненная сила». Только немецкий философ интерпретировал эту силу в духе учения Ницше, а русский этнолог — в позитивистско-космистском духе, как порождённую космическим влиянием «энергию пассионарности».

Сравнивают идеи Л. Н. Гумилёва и с концепцией русского философа-консерватора К. Н. Леонтьева, и для этого сравнения тоже имеются основания. Леонтьев, как и Гумилёв, видел в этносах и в многонародных социумах («культурно-исторических типах», по Н. Я. Данилевскому) своеобразные суперорганизмы, развивающиеся по законам живой природы, проходящие стадии рождения, роста, расцвета, увядания и упадка. По словам С. С. Белякова, «“цветущей сложности” Константина Леонтьева соответствует акматическая (“акме” — др.-греч. расцвет) фаза у Гумилёва» (Беляков 2013: 146).

Гораздо реже встречаются сравнения Гумилёва с Платоном, между тем антично-платоновская теория политики — один из источников современных биологизаторских концепций общества и государства. Все они так или иначе восходят к античной, языческой, космоцентристской натурфилософии, видевшей в человечестве лишь часть космоса. Платон также выделял два типа людей: волевых идеалистов — мыслителей и деятелей («философы» и «воины») и спокойных, покорных судьбе тружеников («демиурги»). При этом принадлежность человека к тому или иному «классу» врождённая. «Философы» и «воины» напоминают гумилёвских пассионариев, а «демиурги» — гармоничников. Помимо этого, фазы вырождения платоновского идеального государства напоминают фазы этногенеза: государство философов — подъём, тимократия — акматическая

фаза, олигархия — надлом, демократия — инерционная фаза, наконец, тирания — обскурация.

Примечательно, что все эти социальные философы-космисты — от Платона до Шпенглера — были консерваторами в политике, симпатизировали монархии и аристократии. Это же мы видим и у Л. Н. Гумилёва. Очевидно, что его консерватизм — это разновидность натуралистского, космистского консерватизма, для которого ориентация на прошлое связана с убеждением, что в прошлом общество было моложе, здоровее, сильнее, переживало свой расцвет, тогда как в будущем его ждут лишь угасание и смерть.

У Л. Н. Гумилёва имелась и своя трактовка истории России, основанная на его теории этногенеза; это поможет нам ещё лучше понять причины его монархизма и антикоммунизма.

Общеизвестно, что Гумилёв различал два русских этноса: древнерусский, «киевский», который, согласно этнологу, вошёл в мемориальную фазу и тихо умер к началу монгольского нашествия, и великорусский, или просто русский, который возник в междуречье Оки и Волги в результате пассионарного толчка XIII века (породившего ещё украинцев, литовцев, османов и некоторые другие этносы). Последний существует по сей день. Русский этнос пережил фазу подъёма в XIII–XIV веках и акматическую фазу — в XV–XVIII. В XIX веке начинается его надлом, и это выражается в возникновении в России революционного движения (начало которого и сами революционеры связывали с «восстанием декабристов»). Начинается внутренний раскол русского общества, борьба между оппозиционной интеллигенцией и государством. Борьба эта длилась весь XIX век, приобретая к его концу террористический характер, и увенчалась успехом революционеров в 1917 году и трагедией их самоуничтожения в сталинские годы. По Гумилёву, это эпоха падения пассионарности из-за физического уничтожения самих пассионариев. Хотя именно на XIX и XX столетия приходится расцвет русской культуры (её «золотой век» и «серебряный век»), это ещё и время, когда кровь лилась рекой, были уничтожены почти все лучшие, активные, талантливые, энергичные люди и в силу господства «коммунистической антисистемы» русский народ лишился своего пассионарного потенциала. Итак, несмотря на культурные достижения поздней романовской и коммунистической России, для Гумилёва, как и для славянофилов, политическим идеалом являлось допетровское московское царство.

Как известно, перед смертью Гумилёв выражал осторожную надежду, что с падением власти Компартии русские вошли в инерционный период,

в эпоху «золотой осени», в которую, если последние пассионарии не будут добыты в конфликтах, начнётся спокойная, благодатная жизнь этноса лет на 200–300. В связи с этим, будучи антисоветчиком и антикоммунистом, Гумилёв резко выступал против разрушения Советского Союза, предлагая его сохранить на принципах конфедерации (пусть и под другим названием), дабы избежать гражданских войн и междоусобиц.

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ Л. Н. ГУМИЛЁВА

Итак, опишем вкратце, в чём состоял консерватизм Л. Н. Гумилёва в связи с его философскими и научными воззрениями.

Во-первых, Гумилёв был противником теории прогресса, лежащей в основе антиконсервативных, либеральных и коммунистических доктрин. Гумилёв считал, что концепция прогресса есть не что иное, как вариация европоцентризма, и что она основывается на сознательных и бессознательных подтасовках: её сторонники берут примеры прогрессивного развития европейского суперэтноса, но замалчивают периоды его упадка, а также успехи и достижения неевропейских народов. Собственно, согласно Л. Н. Гумилёву, как и согласно К. Н. Леонтьеву, в истории любого этноса есть период прогресса (подъём пассионарности) и упадка (снижения пассионарности). Конечно, при этом нельзя забывать, что «прогресс энергетический» у Гумилёва не совпадает с политическим и культурным прогрессом, но и у последних, по создателю теории этногенеза, есть свои периоды взлёта и падения.

Во-вторых, Гумилёв был убеждён, что каждый народ и каждая цивилизация должны строить свою жизнь и исторический путь в соответствии со своими собственными, а не заимствованными, принципами. В работе «От Руси к России» он писал: «Исторический опыт показал, что, пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединённая Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX в. мы отказались от этой здоровой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами... Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно» (Гумилёв 1992: 299). Согласно теории этногенеза Гумилёва, этнос формируется, приспособляясь к своему «вмещающему ландшафту», малой, «исторической Родине», и в ходе этого вырабатывает стереотипы поведения, которые у всех разные, так что правила поведения и ценности одних

не годятся для других. С такими насильственными и механическими заимствованиями у него и связаны понятия химеры и антисистемы.

Из первого и второго пунктов логически вытекает неприятие Гумилёвым идей либеральной демократии, которое шокировало его современников, не очень хорошо знакомых с его теориями (поскольку Гумилёв был противником коммунистического режима, они автоматически записывали его в «либералы-диссиденты»). Демократия, в её привычном нам западном понимании, по Гумилёву, строится на стереотипах поведения западных народов (народов Средиземноморья и Западной и Центральной Европы), сформировавшихся в приморских ландшафтах. Это, кстати, не значит, что Евразия не знала своей демократии. Напротив, Гумилёв много писал о демократических тенденциях Орды. Но это такая демократия, которая вполне совместима с вождизмом и которую вряд ли будут считать демократией наши западники.

В-третьих, хотя в основе теорий Гумилёва и не лежит религиозно-идеалистическая философия, учёный всячески подчёркивал важность роли православия для русской истории. В заключение своей книги об истории России он прямо пишет: «Именно новая система поведения, созданная на старой идеологической основе — православии, — позволила России сказать своё слово в истории Евразии» (Гумилёв 1992: 297), а рассказывая о принятии христианства князем Владимиром (чему он посвятил в своей «Истории»¹¹ целую главу), Гумилёв даже заявляет: «Крещение дало нашим предкам высшую свободу — свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю» (Гумилёв 1992: 61).

И, наконец, в-четвёртых, исходя из своей трактовки этнической истории России, Гумилёв считал, что мы вошли в фазу «золотой осени» («инерционную фазу»), подобную той, что Древний Рим пережил после периода гражданских войн, в правление императоров династии Юлиев-Клавдиев I–II веков нашей эры. В этот период, по Гумилёву, не нужно стремиться к революционным преобразованиям, всегда связанным с ломкой исторических традиций, пересмотром прежних ценностей. Это период спокойствия, мирного развития, стремления к материальному преуспеянию, то есть консерватизма, превратившегося даже не в массовую идеологию, а в жизненную философию.

На этом мы завершаем рассмотрение концепции консерватизма Л. Н. Гумилёва.

¹¹ Книга «От Руси к России» имеет подзаголовок «Очерки этнической истории».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Беляков С. С. Гумилёв, сын Гумилёва. — М. : АСТ, 2013. — 797 с.
Гумилёв Л. Н. Всем нам завещана Россия. — М. : Айрис-пресс, 2015. — 576 с.
Гумилёв Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. — М. : Экспрос, 1992. — 336 с.
Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — М. : ТОО «Мишель и Ко», 1993. — 503 с.

Сведения об авторах:

Вахитов Рустем Ринатович — кандидат философских наук, доцент факультета философии и социологии Уфимского университета наук и технологий, 450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru.

Родионова Анна Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмулы, 450008, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а, e-mail: aer1969@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 01.01.2023; одобрена после рецензирования 04.02.2023; принята к публикации 30.02.2023.

R. R. Vakhitov

UFA UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY,
UFA, RUSSIA

A. E. Rodionova

BASHKIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
NAMED AFTER M. AKMULLA, UFA, RUSSIA

Lev Gumilev's Naturalistic Conservatism. (Essays on the Conservative Thought in the USSR)

Abstract. The paper examines the views of the ethnologist, historian and philosopher Lev Nikolayevich Gumilev (1912–1992), the creator of the theory of ethnogenesis and the theory of passionarity. The scientist's dramatic life journey, his political opinions and scientific concepts are discussed here. The paper also reconstructs Lev Gumilev's political views based on biographers' studies, memoirs about Lev Gumilev and his poems that were unpublished during his life. This entire process shows that from his very youth to the last days the scientist was a secret anti-Soviet, anti-communist, monarchist and Orthodox Christian, anti-Westerner and anti-democrat.

The paper reveals how these views of his are connected with the theories of ethnogenesis and passionarity. The perception of the history of mankind as the development of ethnic groups excludes progressivism and liberalism, since under this concept the history of mankind would cease to be perceived as a universal process involving traditional and modernist stages. At the same time, the doctrine of "fostering landscapes" created by Lev Gumilev suggests that every nation has its own system of values and standards of behavior, and their mechanical borrowing is impossible. It was from this point that Lev Gumilev drew his conclusions of anti-Western and Slavophile/Eurasian nature: Russia should not imitate Europe. It

should follow its own way. However, the doctrine of the Slavic-Turkic symbiosis as the foundation of Russian civilization turned out to be a distinction between him and the Slavophiles.

In addition, the liberal democracy of the Western type was seen by Lev Gumilev not as a universal value, but as a set of behavioral patterns and stereotypes in views typical only of the peoples of Western civilization.

Finally, the scientist repeatedly emphasized the most important role of Orthodoxy in forming the Russian ethnicity.

So, Lev Gumilev was a conservative thinker. His conservatism, however, was a kind of naturalistic, cosmic conservatism, akin to the teachings of Plato, Konstantin Leontiev and Oswald Spengler.

Keywords: Lev Gumilev, conservatism, monarchism, Orthodoxy, anti-Sovietism, anti-democratism, ethnogenesis, passionarity, cosmism, ethnicity

For citation: Vakhitov, R. R., Rodionova, A. E. (2023). Lev Gumilev's Naturalistic Conservatism. (Essays on the Conservative Thought in the USSR). *Orthodoxia*, (1), 10–31. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-10-31

REFERENCES:

Belyakov, S. S. (2013). Gumilev, syn Gumileva [Gumilev, the Son of Gumilev]. Moscow: AST. [In Russian].

Gumilev, L. N. (1992). Ot Rusi k Rossii. Ocherki etnicheskoi istorii [From Rus to Russia. Essays on Ethnic History]. Moscow: Ekopros. [In Russian].

Gumilev, L. N. (1993). Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Biosphere of Earth]. Moscow: TOO "Mishel' i Ko". [In Russian].

Gumilev, L. N. (2015). Vsem nam zaveshchana Rossiia [Russia Has Been Bequeathed to All of Us]. Moscow: Airis-press. [In Russian].

About the authors:

Rustem Rinatovich Vakhitov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi street, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450076, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Anna Evgenievna Rodionova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmulla, 3a, Oktyabrskoy Revolyutsii street, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450008, e-mail: aer1969@mail.ru

Conflict of interest:

The authors declare no conflict of interests.

The article was submitted 01.01.2023; approved after reviewing 04.02.2023; accepted for publication 30.02.2023.